

УДК 1(091)

Виликотская Л.А., канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА КАК ДУХОВНОГО СУЩЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Н.Н. СТРАХОВА И П.Е. АСТАФЬЕВА

В статье предпринята попытка изложения философских идей о сущности человека двух выдающихся мыслителей XIX века: Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева.

Основоположник современной антропологии в западной мысли М. Шелер, ссылаясь на Канта, писал, что "всякое предметное бытие как внутреннего, так и внешнего мира следует сначала соотносить с человеком. Все формы бытия зависят от бытия человека. Весь предметный мир и способы его бытия не есть "бытие в себе", но есть встречный набросок, срез этого бытия в себе, соразмерный общей духовной и телесной организации человека" [9, 11]. Поэтому главным вопросом философской антропологии является тот, в котором сходятся все основные философские проблемы: "Что такое человек?" От идеи человека зависит как характер многообразных видов антропологий, так и определённая модель видения исторического процесса.

В центре внимания многих философских сочинений Н.Н.Страхова (1828-1896) и П.Е.Астафьева (1846-1893) были вопросы природы, сущности человека. Их работы должны быть востребованы сегодня, поскольку многие положения не утратили своего значения. Так в «Борьбе с Западом в нашей литературе» Страхов неоднократно подчёркивал: материальное обеспечение, здоровье, свобода – всё это вздор перед тайными требованиями души. Ей нужен идеал. «Мир идей есть настоящий человеческий мир, и этим, как говорят, человек отличается от животных» [5, 77]. Именно в нём надо искать главный источник и объяснение для всех действий людей и происходящих между ними событий. Вспоминая убеждения покойного И.С. Аксакова, Страхов пишет: «В чело-

веческом мире – так он верил и так должно верить – только то сильно и растёт, что живёт некоторою идеею». Здесь уместно сказать о критике Страховым позиции Ренана, видевшего значение человека в мироздании, аналогично лишаям и плесени. Николай Николаевич называет такой взгляд совершенной нелепостью. Человек может подниматься до такой высоты, как ни одно другое существо, благодаря своему воображению. Натуралистический взгляд на человека как на животное, ту же гориллу, в корне неправилен. Как будто ничего не стоили тысячелетние поиски разумом человеческим высшего существа, стремления слиться с ним душой, жить по высшему идеалу. Трудно не согласиться со Страховым. Действительно, идеал представляет собой интегративную возможность человеческого сознания выходить на самый высший тип целеполагания. Наличие идеала в человеческой жизни и деятельности свидетельствует о работе над самим собой, отличает пассивный тип личности.

Идеальные стремления, считает Страхов, составляют истинное назначение человека, от которого он никогда не откажется. Даже среди величайших заблуждений человек ищет жизни, согласованной с этими высшими интересами. Не материальные и практические, а идеальные и нравственные побуждения имеют целью нравственное усовершенствование человека, возвышение достоинства его жизни. Так происходит потому, что **благо души человека стоит выше всякого временного, имущества и наслаждения.** Для

блага своей души человек должен питать в себе любовь к ближнему. Но и она не препятствует развитию дурных и злых страстей. Чтобы идея была плодотворной, она должна содержать правило чувств, должна быть руководством для сердец. Тогда она развивает душу. Почему так происходит? Потому, что человек живёт не «имуществом, а тем чувством, которое он в себе носит и которое его греет и даёт силу». Человека всегда будет привлекать желание за что-то умереть, игра в жизнь и смерть. От начала веков народ безропотно страдает, гибнет до тех пор, пока верит во что-нибудь такое, ради чего должно приносить эти жертвы. Между тем, нередко, люди довольны и самими собою и теми, часто ничтожными благами, которых они добиваются. Следовательно, большею частью «люди слепы, так как не замечают ни собственного ничтожества, ни пустоты тех целей и желаний, которыми наполнена их жизнь». Также и у Астафьева читаем: «Душа выше и дороже всего: её спасение, полнота, цельность и глубина её внутреннего мира – прежде всего, а всё прочее несущественно, само приложится». В его понимании, человек – это, прежде всего, сознание, деятельное усилие, воля. В работе «Смысл истории и идеалы прогресса» он убедительно показывает, что из всех живых существ один человек имеет свою историю, пользуется её плодами. Это возможно потому, что **человек отличается от животных тем, что способен бороться не за голый факт существования, а за принцип, оправдывающий его**; для него важно не просто пережить свою жизнь, но и понять её, оправдать перед своим сознанием. До тех пор пока он остаётся сознательным, он ставит вопросы: «Почему и для чего он живёт?». Этих вопросов нет у животных и бессознательной природы. Но без них жизнь человеческая лишена всякого смысла и оправдания. Причём, человек как субъект деятельности в своей возможности всегда богаче всех своих действительных проявлений. Однако сказанное вовсе не означает, что у интересующих нас мыслителей имело место игнорирование или недооценка телесного начала человека. Мы уже отмечали ранее, что обоим не был

чужд органический подход к человеку (См. подр. Виликотская Л.А. Н.Н. Страхов и П.Е. Астафьев: о сущности человека // Философия в XXI веке. Международный сборник научных трудов. – Выпуск 2. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2004. – С. 143–150).

Неизбежное следствие отсутствия высших интересов у отдельного человека и народа в целом – страшный нравственный упадок. Подтверждением этому является и XIX век, получивший название века пессимизма, разочарований и безнадёжности. По мере достижения благополучия человечество не стало ни счастливее, ни светлее духом, ни спокойнее сердцем. Об этом свидетельствует упадок литературы и искусства, оскудение идеалов, распространение суеверий, возрастание числа самоубийств и сумасшествий. По мере устранения внешних бедствий наступил мучительный внутренний голод, многие бросаются на нечистую и гнилую пищу. Век, безмерно богатый фактами, оказался «до нищенства скудным идеями». Как в средние века наука была только служанкой богословия, так для многих умов в XIX веке она стала служанкой материального благосостояния. От искусства беспрестанно требуют того же рабства. Подлости и преступления, если служат прогрессу, объявляются чуть ли не героизмом. Но человеческая природа устроена таким образом, что не может совершать жертвенные поступки из-за материальных благ.

Разносторонняя образованность, самостоятельность и оригинальность мышления Астафьева проявлялась в подробнейшем и тончайшем анализе структуры **духовного**. Более того, наряду с такими философами, как А.А. Козлов, Н.Я. Грот, Л. Лопатин, М.И. Владиславлев, М.А. Остроумов, он многое сделал для реабилитации воли и чувства в духовной жизни человека. Он выделяет три элемента в этой структуре: **интеллект, волю и чувства**. Философы и психологи изучают в основном интеллект. А между тем деятельной, производящей, творческой силой, составляющей существо субъекта, является **воля**, считает Астафьев. Она ни в чем произведенном полно-

стью не воплощается. И в жизни интеллекта самого по себе воле во многих отношениях принадлежит очень существенное и решающее значение. Воля является центральным, все определяющим фактором везде, во всех событиях психической жизни. А движущим началом нравственной воли является вера. Именно в ней философ усматривает основной источник всей земной активности и спасающую человека силу; вера зависит не только от воли, но и нравственного настроения человека. Вера венчает знание. Откровение – вершина познания. В этом вопросе философ опирается на труды Иоанна Златоуста, Феофана Затворника, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, которые он внимательно изучал и нередко цитировал.

Страхов не устал декларировать: человек живёт не «имуществом, а тем чувством, которое он в себе носит и которое его греет и даёт силу». В изворотах человеческой жизни раскрываются и осуществляются не все идеи даже из числа признанных истинными. Философ подчёркивал, что умом человеческим управляет сердце; мы верим в то, что хотим, думаем то, что хотим думать. Человек или народ отдаёт предпочтение определённым учениям, прежде всего, из нравственного расположения. Как бы много не было зла в окружающей нас жизни, действительная сила принадлежит добру. Человеку в его суждениях нужны точки опоры (вера в разум, человека, религию). Без них убеждения просто не развиваются. Без них у историка, к примеру, выйдет не больше, чем хронология событий. Он будет доказывать, что верования людей всегда были заблуждениями, а цепь событий не имеет смысла и лишь бесплодно вращается. **Только тот человек может понять силу и различные степени нравственных учений прошлого, кто «сам высоко поднялся в нравственной жизни».** Иначе они останутся в его глазах мёртвой буквой. Ведь не зная математических теорем нельзя написать подлинной истории математики! Каждый человек судит о других по себе. Высота общего уровня, до которого мы можем подняться в понимании чужой жизни, определяется нашей

собственной высотой. В этом пункте мы совершенно согласны со Страховым. На самом деле так и есть. Воссоздавая события, историк их интерпретирует, осмысляет, дополняет, решая свои вполне определённые задачи. Стало быть, ему необходимы определённые ценностные, нравственные ориентиры. Культура мышления предполагает определённый произвол интеллектуального дилера. Чтобы дать голос тому или иному мыслителю прошлого, необходимо проделать путь ему навстречу. Если греки призывали познать самого себя, Страхов, обращаясь к своим согражданам, говорил: будь самим собой, имей свою собственную точку зрения, свои мысли и чувства.

И Страхов, и Астафьев были уверены: человечество XIX века долго жило без всякого безусловного идеала, с одной верой в наличную окружающую действительность. Центральная цель – личное или общее благополучие затмила все другие интересы и устремления, поэтому и произошло общее падение духовности. Здесь стоит сказать о близости позиции героев нашей работы с Флоренским, который с болью говорил о «губительной болезни» текущего века – «духовном атомизме», который «мертвит современную душу» [7, 128]. Его «разъедающее действие чувствуется везде: в науке, утратившей цельность знания; в природе, распадающейся на отдельные части. «Не образует единого целого» и внутренняя жизнь человека, ибо «современная святыня робка и жмётся в затаённый ... уголок души; красота бездейственная; добро ригористично; польза – пресловутый кумир наших дней – нагла и жестока... сменяются психические состояния, но нет цельной жизни» [7, 149]. К сожалению, спустя столетия суждения русских философов не менее актуальны, нежели при их жизни. Более того, поколения последних десятилетий социализировались в нашей стране в обстановке нарастающей утраты духовных ценностей, замены их ориентирами на материальный успех любой ценой, падения престижа профессий, связанных с духовной деятельностью.

Пожалуй, не будет преувеличением утверждение о том, что Астафьев и Страхов, подчёркивая духовность человека,

выражали основную тенденцию всей русской религиозной мысли. Уместно сделать небольшое отступление, вспомнив такой факт: в своё время Г.Шпет утверждал, что морализаторство и философия друг друга исключают, на основании чего назвал Сковороду не философом, а морализатором. Но ведь это означает по существу отрицание этики и религиозной философии. При таком подходе, (а с ним никак нельзя согласиться), Страхов остаётся за пределами признания и понимания. Русская философская мысль требует сложного концептуального подхода, не укладывается в простую и однозначную схему.

Анализ показывает, что даже при решении сугубо философских, метафизических задач Страхов не забывал о конкретном человеке, личности, не забывал о её повседневной жизни со всеми проблемами и тревогами. В любой системе философских взглядов Страхов выделяет нравственный аспект. А отсутствие ясных и твёрдых начал в философских рассуждениях (как у Ренана), Николай Николаевич называет пушкинскими словами «слабоумным изумлением перед своим веком». Не случайно и то, что нравственные гонения мыслей и идей оказываются несравненно губительнее для них, чем преследование государственное, юридическое, вещественное. Последнее часто придаёт только новую силу гонимым идеям, первое же требует от проповедника всей силы нравственного мужества.

Обращаясь к лучшим произведениям русской литературы XIX века, он с сожалением заключает, что в русском обществе так мало крепких основ, оно так сильно поражено недугами, что в нём трудно быть счастливым. Природа же человека такова, что без этих опор жизнь человека превращается в хаос предрасудков и недоразумений, а может и вовсе погибнуть. Их отсутствие объясняет все прочие беды. А всё потому, что **нравственные мотивы в жизни людей важнее всех других**. Начало XXI века в этом отношении ничуть не лучше XIX. Также как и во время Страхова, люди далеко не всегда находят достойный предмет для поклонения и самопожертвования. Многим

нашим современникам совершенно непонятны слова «блаженны нищие». К сожалению, и сегодня нередко благополучие человека измеряется его имуществом. Немало людей мечутся, хватаясь за всякие предлоги, чтобы насытить свою жажду деятельности. Оскудение идеалов характеризует не только современный Запад, но и Россию. Печать духовного вымирания лежит на многих сторонах жизни человека и общества. Человек недопустимо снизил нравственную культурную планку своего бытия. Взрослую часть общества захлёстывает подростковая психология: инфантилизм, нежелание взрослеть, нести ответственность за свои поступки. Несмотря на то, что мы убедились в нравственном падении Европы, сами не избежали его. Надеждам русских мыслителей не удалось сбыться.

Может быть, своё достоинство и цели жизни люди могут найти в политической сфере? Страхов отрицательно отвечает на этот вопрос. В политических делах не достигается высшая степень нравственных качеств. Чтобы бороться, людям нужна идея, некоторая печать, налагаемая интересами высшего порядка. Государственные дела и политическая деятельность, с точки зрения русского мыслителя, «должны быть признаваемы средством, а не целью», лучшие цели жизни в чём-то другом. При рассуждении о делах управления не стоит говорить о нравственности, поскольку в этой сфере вовсе не достигается самая высокая степень нравственных качеств. Оппонируя Ренану, утверждавшему, что нравственное превосходство бывает лишь следствием благоприятных условий, Страхов говорит: нравственное превосходство меньше всего другого зависит от образования, происходит от других обстоятельств. «Высшая степень его бывает доступна самым худородным, бедным и необразованным людям» [5, 162]. Более того, лучшие людские души, вероятно, те, которые сохранили свою красоту в себе самих, чуждаясь желаний выставить её на вид и даже не подозревая, как они прекрасны.

Интересно, что в этом убеждении Страхов оказывается удивительно созвучен с одним из представителей русской мысли эпохи Просвещения – А.М. Белосельским-Белозерским. Опубликованная рукопись его

статьи «Диалог на смерть и на живот» из Бахметьевского архива библиотеки Колумбийского университета (США) содержит такое утверждение героя: «...всякая роскошь портит нравы»; для того чтобы просвещать себя, прежде надо добиться, чтобы «твёрдость головы» соответствовала «с чистотой сердца... наверно народ истлевет по мере его просвещения. От чего мы находим в дальних деревнях больше невинности и нравственности, нежели в городах и в под столицах? Не от того ли, что умопроизвольные науки там ещё не поселились...» [4, 117]. С другой стороны, просвещённый французский народ ни в одном неграмотном веке не показался более диким и злонравным, как в начале революции 80-ых годов XVIII века.

Несмотря на то, что в европейской и отечественной жизни 60–80-ых гг. доминировало буйство аморализма, Страхов апеллировал к принципам свободы и нравственности в весьма широких контекстах. В жизни нынешнего человека значение нравственных вопросов не уменьшилось. Человек есть высшее существо в силу своей способности прислушиваться к голосу нравственного закона. Без людей мир в ценностном смысле будет значительно ниже того мира, в котором обитают люди. Возрастание роли техники привело к усилению моральной, социальной и юридической ответственности личности. Осмысливая предпосылки для сложения открытого общества, (реализующего подлинную свободу при помощи правого государства) в современном мире, Вяч. Иванов пишет: «на первый план должны выступить проблемы нравственного поведения по отношению к Другому (человеку, этнической или религиозной группе, социальному классу, государству)... решение может быть найдено на пути преодоления эгоцентризма отдельных людей и целых социальных групп и стран, наделённых военной и экономической властью» [8, 50].

Итак, Страхов и Астафьев, декларируя целостность духовно-нравственного контекста жизни человека и роль вероисповедных принципов, определяющих его

нравственные прерогативы, были правы. Важнейшая задача нашего времени – преодоление тяжелейшего духовного кризиса, обнаружившегося в последнее столетие во всём христианском мире и в России. Работы философов-земляков помогают нам осознать, что идеал земного блаженства не просто недостижим, но и не оправдывает всё историческое движение человечества; в поиске подлинного бытия человек должен установить потерянную связь с абсолютным началом мира, без которой ему не удастся обрести настоящее призвание в мире.

Список литературы

1. *Астафьев П.Е.* Из итогов века // *Философия нации и единство мировоззрения.* – М., 2000. – С. 133–177.
2. *Астафьев П.Е.* Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни // *Философия нации и единство мировоззрения.* – М., 2000. – С. 178–197.
3. *Астафьев П.Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения // *Философия нации и единство мировоззрения.* – М., 2000. – С. 352–527.
4. *Белосельский-Белозерский А.М.* Диалог на смерть и на живот // *Вопросы философии.* – 2005. – № 1. – С. 116–121.
5. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. – СПб., 1883. – Кн. 2. – XVI. – 272 с.
6. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. – СПб., 1882. – Кн. 1. – XII. – 362 с.
7. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Собрание сочинений: В 3 т.* – М., 1990. – Т. 3. – 433 с.
8. *Иванов Вяч.* Социальные проблемы – ахиллесова пята современного глобального капитализма: *Континент.* – 2000. – № 105. – С. 50.
9. *Шелер М.* Философское мировоззрение // *Шелер М. Избранные произведения.* – М., 1994. – 321 с.